

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛЮГРАФІЯ.

О военномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ и особенной ихъ важности для Россіи. *С. П. Бутурлина.* — Архивъ военно-походной канцеляріи графа Румянцева-Задунайскаго.—Приложенія къ запискамъ А. П. Ермолова.—Воспоминаніе о графѣ К. Ѳ. Толѣ. *Н. В. Сушкова.* (Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. Четыре книжки за 1865 годъ.)

Педагогическій Сборникъ, книжки 13, 14 и 15 за 1865 г.

Полицейскія постановленія иностранныхъ государствъ. (Франція, Пруссія, Австрія, Саксонія и Ирландія.) Спб. 1866 года.—Томы I, II и III.

The British army and navy review. (Британское военное и морское обозрѣніе), №№ 10—22, 9 книжекъ 1865 г. и 3 книжки 1866 г.

О военномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ и особенной ихъ важности для Россіи. *С. П. Бутурлина.*

Архивъ военно-походной канцеляріи графа Румянцева-Задунайскаго.

Приложенія къ запискамъ А. П. Ермолова.

Воспоминаніе о графѣ К. Ѳ. Толѣ. *Н. В. Сушкова.*

(Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. Четыре книжки за 1865 годъ.)

Въ то время, когда Англія была уже перерѣзана изъ конца въ конецъ желѣзными дорогами, въ нихъ видѣли только громадныя облегчительныя средства для торговли и для внутреннихъ сношеній, и, конечно, счастливое положеніе британскаго

государства на острову было причиною, что рельсовымъ путямъ сообщенія не придавали никакого военнаго значенія. Даже когда въ Бельгіи и въ Германіи явились желѣзныя дороги, лишь немногіе, по всей вѣроятности, военные люди приходили къ мысли относительно возможности примѣнить къ военнымъ цѣлямъ открытіе, предназначенное, повидимому, исключительно для мирныхъ международныхъ отношеній. Вообще желѣзныя дороги считались въ первое время надежнымъ ручательствомъ за сохраненіе долгаго мира, принимались за новую эру промышленнаго и торговаго развитія. Военная тревога, поднятая французскимъ правительствомъ въ 1840 году, пробудила со-сѣднія государства изъ усыпленія, показавъ, что время вѣчнаго мира еще не настало, что противоположные интересы кабинетовъ раньше или позже опять выдвинуть на первый планъ мечъ, несмотря ни на какія желѣзныя дороги. Вслѣдствіе того и въ военной литературѣ возбужденъ былъ вопросъ объ употребленіи рельсовыхъ путей для войны; но, по новости дѣла и по недостатку опытовъ, мнѣнія объ этомъ предметѣ не могли установиться прочно. Въ 1842 году появилось сочиненіе германскаго военнаго писателя Пеница: „Die Eisenbahnen als militairische Operationslinien betrachtet“ (*Желѣзныя дороги, рассматриваемыя какъ операціонныя линіи*), первый опытъ всесторонняго обсужденія важности желѣзныхъ дорогъ для войны (*). Конечно, Пеницъ долженъ былъ, по отсутствію практическихъ опытовъ, основывать свои соображенія на теоріи, и потому въ его трудѣ встрѣчаются неудобопримѣнимыя правила; однако событія 1848 года подтвердили самымъ нагляднымъ образомъ многія изъ его предположеній, и теперь уже никто не оспариваетъ великой важности желѣзныхъ дорогъ для военныхъ цѣлей.

Въ русской военной литературѣ теоретическая часть вопроса о значеніи желѣзныхъ дорогъ въ военномъ смыслѣ разработана мало; за то на практикѣ мы уже видѣли довольно примѣровъ перевозки войскъ по рельсовымъ путямъ, въ обширныхъ размѣрахъ, о чемъ въ свое время было говорено въ „Военномъ Сборникѣ“. Полагаемъ, что читателямъ нашимъ не безъинтересно будетъ знать мнѣніе бывшаго генераль-квар-

(*) Переводъ сочиненія Пеница помѣщенъ въ „Военномъ Журналѣ“ за 1846 годъ. Другой переводъ вышелъ отдѣльною книжкою, напечатанною въ Карлсруѣ въ пятидесятихъ годахъ.

тирмейстера крымской арміи „О военномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ и особенной ихъ важности для Россіи“.

Прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію этого вопроса, генераль Бутурлинъ бросаетъ общій взглядъ на важность путей сообщенія въ военномъ смыслѣ. Здѣсь, между прочимъ, онъ высказываетъ мнѣніе о томъ, что сѣтъ дорогъ шоссеиныхъ и простыхъ, приспособленная къ военнымъ потребностямъ страны, должна доставлять арміи, обороняющей край, возможность: 1) переходить попеременно изъ чисто-оборонительнаго положенія въ наступательное и обратно; 2) задерживать, посредствомъ быстрыхъ фланговыхъ движеній, наступленіе непріятеля; 3) дѣйствовать на его сообщенія, не подвергая опасности своихъ собственныхъ. По мнѣнію генерала Бутурлина, этимъ условіямъ не отвѣчаетъ шоссе изъ Бреста въ Москву, на всемъ протяженіи отъ Кобринна до Рогачева (389³/₄ верстъ или 19 маршей), пролегающее по окраинѣ непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ Полѣсья. Доводы автора заключаются въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Армія наша, принявъ за путь дѣйствій это шоссе, могла бы дорого поплатиться за выборъ такой операціонной линіи, если бы непріятель, прикрывшись со стороны Бреста, занялъ насъ частію своихъ силъ съ фронта между Кобриномъ и Пружанами, а съ главною своею массою дебушировалъ изъ Бѣлостока на Слонимъ и на Снявку. „Въ такомъ положеніи—говоритъ авторъ—одного выиграннаго имъ сраженія было бы достаточно, чтобъ отрѣзать насъ отъ прямыхъ нашихъ сообщеній съ Двѣпромъ и припереть къ бассейну Припети, гдѣ гибель наша была бы неизбѣжна. Ловкими демонстраціями со стороны Высоко-Литовска и противъ лѣваго нашего фланга отъ Влодавы, непріятелю представилась бы возможность удержать главную часть нашихъ силъ около Кобринна на столько времени, чтобы выиграть одинъ или два марша въ направленіи отъ Бѣлостока къ Слониму и тѣмъ обезпечить успѣхъ предполагаемой нами операціи. Но если бы противнику нашему и не удалось предупредить насъ на верхней Шарѣ, то, во всякомъ случаѣ, мы не избѣгли бы подобнаго несчастія иначе, какъ отступивъ усиленными переходами къ Снявкѣ и оставивъ, такимъ образомъ, во власти непріятеля большую часть Литвы.“

Обращаясь затѣмъ къ желѣзнымъ дорогамъ, авторъ хотя и допускаетъ, что послѣдовательное передвиженіе войскъ по ди-

визіямъ можетъ быть производимо безпрепятственно даже по однорельсовому пути и на всякомъ разстояніи, однако не признаетъ желѣзныя дороги операционными путями для арміи, вопреки мнѣній Пеница и другихъ военныхъ писателей. Г. Бутурлинъ полагаетъ, что кругъ дѣйствій желѣзныхъ дорогъ, для военныхъ операцій, замыкается у предѣловъ края, занятаго непріателемъ и подверженнаго набѣгамъ его летучихъ отрядовъ, такъ какъ войска, размѣщенныя въ вагонахъ, не могутъ, во время передвиженія, принять бой при встрѣчѣ съ противникомъ. Да и транспорты, нагруженные войсками, не были бы обезопасены отъ покушеній непріятельскихъ партизановъ, которые всегда будутъ имѣть время испортить дороги и прервать телеграфное сообщеніе. Потому поѣзды съ войсками должны быть останавливаемы въ двухъ или въ трехъ маршахъ отъ непріятеля, чтобы, до сближенія съ нимъ, успѣть выгрузиться и приготовиться дѣйствовать сообразно съ расположеніемъ или движеніями противника. Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что и при желѣзныхъ дорогахъ, пролегающихъ по обороняемой странѣ, раціональная система шоссейныхъ и простыхъ дорогъ никогда не утратитъ своего важнаго значенія; но, въ свою очередь, рельсовые пути принесутъ воюющимъ сторонамъ огромную пользу, какъ *средства быстрой подвозки войскъ къ театру военныхъ дѣйствій*. Что же касается до операцій, совершаемыхъ на самомъ театрѣ войны, то, по мнѣнію автора, желѣзныя дороги могутъ быть употребляемы съ пользою лишь въ одномъ случаѣ: *при оборонѣ большихъ рѣкъ*.

При изслѣдованіи вопроса о пользѣ и необходимости рельсовыхъ путей, въ военномъ отношеніи, особенно для Россіи, нельзя было, конечно, сказать ничего новаго. Всѣ наши невыгоды заключаются въ громадности нашей территоріи, поставляющей насъ въ такое положеніе, что нашъ пограничный край болѣе отдаленъ отъ внутреннихъ губерній, нежели отъ Берлина, Дрездена и Вѣны. Варшава на двѣсти верстъ ближе къ Майнцу и къ берегамъ Рейна, чѣмъ къ Москвѣ. А между тѣмъ, по направленію къ границѣ, у насъ только *одна с.-петербургско-варшавская дорога* (съ вѣтвію отъ Вильны на Ковно), которая, вмѣстѣ съ Николаевскою, служитъ весьма кружнымъ рельсовымъ сообщеніемъ сердца Россіи съ западомъ. Неравенство наше, относительно числа желѣзныхъ дорогъ, съ другими государствами таково, что въ послѣднія двадцать или

тридцать лѣтъ Европа во столько же разъ сократила разстояніе, отдѣлявшее ее отъ Россіи, а сама осталась отъ насъ почти въ прежнемъ отдаленіи.

По проекту сѣти желѣзныхъ дорогъ для Европейской Россіи, составленному въ министерствѣ путей сообщенія, имѣлось въ виду согласовать, по возможности, требованія военныя съ условіями промышленными. Г. Бутурлинъ думаетъ однако, что въ этомъ проектѣ обращено больше вниманія на стороны логистическую и хозяйственную, чѣмъ на сторону стратегическую военнаго вопроса, связаннаго съ желѣзными дорогами, и старается доказать неудовлетворительность проектированной сѣти подробнымъ обзоромъ нашихъ сухопутныхъ и приморскихъ границъ съ Европой. На основаніи этого обзора, все пограничное съ западомъ пространство, входящее въ составъ оборонительной системы имперіи (кромѣ Финляндіи и Кавказскаго края) онъ представляетъ въ слѣдующемъ видѣ:

1) Въ случаѣ вторженія непріятеля въ наши предѣлы съ сухаго пути, естественнымъ театромъ дѣйствій нашихъ армій должна быть западная полоса государства, отдѣленная отъ внутреннихъ губерній Двиною и Двѣпромъ, отъ Риги до Днѣпровскаго лимана.

2) Къ этому театру примыкаютъ, съ сѣвера и съ юга, отъ Полангена до Риги, и отъ молдавской границы до Бугскаго лимана, части береговъ Балтійскаго и Чернаго морей, и здѣсь могутъ быть произведены высадки на флангахъ нашего операціоннаго фронта, имѣющаго до 1,400 верстъ протяженія между обоими морями.

3) Западная полоса государства прорѣзывается, въ срединѣ ея длины и почти во всю ширину, болотистымъ бассейномъ рѣки Припети, гдѣ нѣтъ путей, годныхъ для большихъ военныхъ движеній, на пространствѣ отъ 200 до 300 верстъ, составляющихъ съ сѣвера на югъ широту Полѣсья.

4) Сѣверная и южная части этой полосы, разобщенныя такимъ препятствіемъ, имѣютъ единственнымъ пунктомъ соединенія крѣпость Брестъ-Литовскъ, лежащую на внѣшней окраинѣ полосы.

5) Впереди Бреста и непроходимаго за нимъ Полѣсья, вгдается къ западу, въ царствѣ Польскомъ, нашъ передовой стратегическій отдѣлъ, прикрытый съ фронта Вислою, съ фланговъ

рѣками Наревомъ, Буго-Наревомъ и Вепремъ, и усиленный пятью крѣпостями.

Но какъ, по всей вѣроятности, въ случаѣ коалиціонной противъ насъ войны, дѣйствовали бы и непріятельскіе флоты, то къ представленному театру войны на сушѣ слѣдуетъ прибавить еще два операціонные фронта, обращенные на сѣверъ и на югъ, вдоль балтійскаго побережья и береговъ морей Чернаго и Азовскаго. Тогда длина оборонительной нашей линіи удваивается, и вся линія описываетъ полукружіе, обозначаемое, приблизительно, положеніемъ городовъ Петербурга, Риги, Брестъ-Литовска, Каменецъ-Подольска, Херсона, Бердянска и Ростова-на-Дону. Почти въ самомъ средоточіи этого огромнаго полукруга находится городъ Брянскъ, на Деснѣ; на западъ же и на югъ примыкаютъ къ полукружію оба оборонительные отдѣла, образуемые восточною частію царства Польскаго и Крымскимъ полуостровомъ.

Чтобы имѣть возможность оборонять столь громадное протяженіе границъ при одновременномъ вторженіи непріятеля съ нѣсколькихъ сторонъ, авторъ считаетъ необходимымъ слѣдующія желѣзныя дороги: а) отъ сердца государства за Днѣпръ, правѣе и лѣвѣе Полѣсья; б) по направленію теченія Днѣпра (хотя бы и съ уклоненіями отъ прямой линіи), по лѣвому его берегу, съ продолженіемъ во внутренность Крыма; в) поперекъ Полѣсья, черезъ Пинскъ; г) отъ Петербурга, параллельно части балтійскаго побережья; д) параллельно берегамъ морей Чернаго и Азовскаго, отъ Одессы до Грушевки. Въ подтвержденіе своей мысли о такомъ направленіи рельсовыхъ путей, авторъ указываетъ на тѣ желѣзныя дороги, которыя будутъ въ распоряженіи союзниковъ въ войнѣ противъ насъ. Кромѣ обыкновенныхъ дорогъ и моря, враждебныя намъ державы располагали бы тремя желѣзными дорогами, идущими изъ Германіи въ Россію: одна изъ этихъ дорогъ направляется чрезъ восточную Пруссію въ Верболово; другая чрезъ царство Польское къ Варшавѣ; третья, чрезъ Галицію, до Львова, который не далѣе ста верстъ отъ Волыни. Эти пути соединяются между собою тремя же поперечными желѣзными линіями: чрезъ Богемію, Саксонію и Пруссію, чрезъ Силезію и Познань и между Бромбергомъ и Скерневице. Владѣя такими быстрыми способами передвиженія, непріятель можетъ, при самомъ началѣ войны, получить надъ нами несомнѣнный перевѣсъ. Онъ можетъ со-

средоточить свои резервы около Берлина, Дрездена и Брюна, скрыть направление своих главных силъ почти до начала военныхъ дѣйствій и вторгнуться съ превосходными силами или въ Литву, или на Волынь. Случайность эту авторъ поясняетъ примѣрными дѣйствіями и представляеть сравнительный расчетъ времени, нужнаго для движенія обѣихъ сторонъ. Для примѣра онъ беретъ предположеніе, что армія, долженствующая защищать нашу западную границу отъ Ковна, чрезъ Августово, Варшаву, Ивангородъ, Замостье и вдоль австрійской границы до Жванца, не зная навѣрное, на какую именно точку этой тысячеверстной дуги будутъ направлены усилія противника, займетъ, для прикрытія главнѣйшихъ доступовъ, достаточными гарнизонами крѣпости царства Польскаго, и оставивъ сильный корпусъ между Наревомъ, западнымъ Бугомъ и Вепремъ, съ легкими отрядами вдоль бромбергской и краковской желѣзныхъ дорогъ, расположится первоначально тремя отдѣлами: близъ Гродна, въ окрестностяхъ Дубны и между Старо-Константиновымъ и Проскуровымъ. Въ такомъ расположеніи войска наши должны будутъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не обнаружится направленіе главныхъ непріятельскихъ силъ изъ восточной Пруссіи, со стороны царства Польскаго, или изъ Галиціи. Если бы, судя по намѣреніямъ противника, потребовалось, въ это время, усилить пятидесятитысячнымъ корпусомъ наши войска въ царствѣ Польскомъ или на Волыни, допуская возможность ослабить оборону береговъ Нѣмана, или же, наоборотъ, подкрѣпить такимъ же корпусомъ части нашей арміи, собранной въ Литвѣ, насчетъ корпусовъ, расположенныхъ въ Дубнѣ и въ Старо-Константиновѣ, то сколько понадобилось бы времени для того, чтобы стянуть наши войска изъ мѣстъ ихъ предварительнаго расположенія къ требуемымъ пунктамъ? По расчету автора, отъ 21 до 25 дней. Напротивъ того, для перевозки пятидесятитысячнаго корпуса, по желѣзнымъ дорогамъ, изъ Берлина, Дрездена и Брюна до нашихъ границъ нужно было бы употребить не болѣе *трехъ сутокъ и двадцати часовъ*.

Возвращаясь къ слабой сторонѣ нашей оборонительной системы — чрезмѣрное протяженіе, разобщеніе сѣверной ея части съ южною болотистымъ бассейномъ Припечи — авторъ развиваетъ доказательства, какимъ образомъ можно было бы, посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, нейтрализовать столь важныя

неудобства, но нейтрализовать такъ, чтобы *неудобства* были уничтожены только для насъ, а сохранены во всей силѣ для непріятеля. Для согласованія военныхъ требованій съ видами экономическими, онъ полагаетъ образовать четыре района рельсовыхъ путей, связанныхъ между собою, изъ которыхъ три, сѣверный, средній и южный, на пространствѣ, лежащемъ къ западу отъ черты, проведенной изъ Петербурга, чрезъ Москву и Орель, къ грушевскимъ каменноугольнымъ копямъ, близъ Новочеркасска, а четвертый, восточный, къ востоку отъ этой черты, по направленію къ Волгѣ. Протяженіе всѣхъ проектированныхъ авторомъ рельсовыхъ путей составитъ 6,095 верстъ. Въ подробномъ разборѣ онъ старается выставить выгоды своей сѣти въ военномъ отношеніи и, между прочимъ, указываетъ, что пятидесятитысячный корпусъ можетъ прибыть изъ Москвы, Витебска, Минска или изъ Бреста въ Севастополь или въ Феодосію въ *шесть сутокъ*, а изъ Кіева или изъ Одессы въ *пять сутокъ*. Но авторъ не скрываетъ, что сѣть его не вполне отвѣчаетъ экономическимъ условіямъ, такъ какъ весь хлѣбородный край между Кіевомъ, Курскомъ, Воронежемъ и Харьковомъ останется безъ рельсовыхъ путей, которые связали бы эту житницу Россіи съ Москвою и съ южнымъ краемъ.

Къ статьѣ слѣдуетъ нѣсколько пояснительныхъ приложений. Первое изъ нихъ, числительная вѣдомость частей войскъ различныхъ оружій, порознь и въ составѣ дѣйствующаго корпуса въ 50,000 строевыхъ, съ артилеріей, лошадьми и обозами, по военному времени, извлечена изъ сборника штатовъ сухопутнаго вѣдомства и изъ приказа военнаго министра отъ 9-го марта 1864 г., № 76. Тутъ включенъ и офицерскій обозъ, исчисленный въ видахъ наименьшаго количества перевозочныхъ средствъ на желѣзныхъ дорогахъ. Во второмъ приложеніи исчислены средства, нужныя для перевозки по желѣзнымъ дорогамъ корпуса войскъ, состоящаго изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, одной кавалерійской, одного сапернаго баталіона, съ артилеріей и обозами, числительностію, по комплекту военнаго времени, въ 54,723 человекъ строевыхъ и нестроевыхъ, 10,285 лошадей и 88 орудій. Въ третьемъ приложеніи представленъ опытъ состава и порядка слѣдованія поѣздовъ корпуса войскъ такой же числительности, а въ четвертомъ показанъ порядокъ выгрузки поѣздовъ съ войсками, по прибытіи на мѣсто ихъ назначенія, и очищеніе путевого двора опорож-

ненными поѣздами. Карта, въ масштабѣ 200 верстъ въ англійскомъ дюймѣ, представляетъ сѣтъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи уже существующихъ и предполагаемыхъ.

Не въ библиографическомъ отчетѣ говорить о томъ, на сколько доводы, выясняемые авторомъ въ пользу проектированныхъ имъ линій рельсовыхъ путей приложимы къ практикѣ и на сколько вообще сѣтъ его отвѣчаетъ предположенной цѣли. Предметъ такъ серьезенъ и обширенъ, что можетъ составить содержаніе особой статьи. Мы считали только своею обязанностию указать на обсуждаемый генераломъ Бутурлинымъ важный вопросъ и тѣмъ вызвать мнѣніе свѣдущихъ людей.

Говоря о „Русскомъ Архивѣ“, мы замѣтили, что матеріалы для новой исторіи Россіи далеко еще не разобраны и даже мало или вовсе неизвѣстны. Новымъ тому доказательствомъ служить „Архивъ военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго“. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, г. Судіенко сообщилъ всѣ эти бумаги профессору московскаго университета М. О. Бодянскому; но число матеріаловъ оказалось такъ велико, что на разборъ ихъ потребовалось много времени. По словамъ г. Бодянскаго, „Архивъ“ графа Румянцева составить отъ *шести* до *семи* частей, изъ которыхъ каждая не менѣе *двадцати* печатныхъ листовъ. Бумаги, составляющія „Архивъ“, обнимаютъ двадцатилѣтній періодъ, отъ 1767 по конецъ 1786 года, стало быть тотъ самый періодъ, когда Румянцева обнаружилъ передъ изумленными современниками свои необыкновенныя способности во всемъ блескѣ. Въ продолженіе этого времени онъ явилъ себя, во-первыхъ, какъ умный администраторъ малороссійскаго края, тревожнаго тогда и по броженію умовъ, и по причинѣ гайдамацкой вольницы, и по отношеніямъ къ Польшѣ и Турціи, и, во-вторыхъ, какъ геніяльный полководецъ въ борьбѣ съ турками. Не слѣдуетъ забывать, что до Румянцева самыя могущественныя европейскія государства тщетно пытались смирить Оттоманскую Порту, и что переходъ русскаго богатыря за Дунай по справедливости считался тогда подвигомъ глубоко-знаменательнымъ. Своими побѣдами Румянцева потрясъ въ основаніи грозное османское становище въ Европѣ и укрѣпилъ за Россіей преобладающее вліяніе на дѣла Востока. Но и этому геніяльному дѣятелю, какъ многимъ другимъ, суждено было, на-

конецъ, уступить первенство болѣе счастливому временщику. Съ 1786 года „великолюбіиый князь Тавриды“ не только преградилъ Румянцеву дальнѣйшій путь къ славѣ, но и старался всячески вредить своему бывшему начальнику. Даже въ періодъ своего наибольшаго значенія, пріобрѣтеннаго истинными заслугами, Румянцевъ долженъ былъ искать себѣ опорной точки у такъ называемыхъ „милостивцевъ“. Это ясно видно изъ переписки его съ тогдашними вліятельными при дворѣ лицами.

Когда будутъ напечатаны всѣ матеріалы для біографіи Румянцева за двадцатилѣтіе апогея его дѣятельности и славы (въ „Чтеніяхъ“ за 1865 годъ помѣщены матеріалы до заключенія мира въ Кучукъ-Кайнарджи), тогда историкъ смѣло можетъ приступить къ разработкѣ этой знаменательной эпохи царствованія Екатерины, потому что бумаги, нынѣ извлеченныя изъ архива, являются впервые во всей своей полнотѣ и въ первоначальномъ видѣ. Лишь немногія изъ нихъ были напечатаны прежде безъ связи и въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. По нынѣшнимъ же матеріаламъ можно будетъ, не впадая въ односторонность, оцѣнить Румянцева отчасти и какъ человѣка, но въ особенности какъ администратора и какъ полководца. Не надобно только придавать значенія витіеватому слогу нѣкоторыхъ бумагъ: это дань тогдашнему риторическому направленію нашей литературы.

Отбросивъ всѣ атрибуты искусственнаго краснорѣчія, можно безъ труда обнажить истину. О знаменитомъ кагульскомъ боѣ побѣдитель доносилъ, между прочимъ, императрицѣ: „Ни столь жестокой, ни въ такихъ малыхъ силахъ (*) не вела еще армія Вашего Императорскаго Величества битвы съ турками, какова въ сей день (**) происходила. Пришедшіе съ визиремъ янычары совершенно были остатокъ тѣхъ славныхъ во всю вселенную рыцарей, которые въ ужасъ приводили съ ними біющихся своею опрометчивостію (т. е. стремительностію). Надлежало арміи Вашего Величества отверзти себѣ путь боемъ къ турецкому ретраншаменту сквозь величайшія таковыхъ храбрецовъ толпы, которыми встрѣтилъ и окружилъ насъ непріятель версты за три передъ своимъ лагеремъ, вспомоцествуя своимъ пресильнѣйшею канонадою, которая неуможно по насъ продолжалась слишкомъ пять часовъ. Дѣйствіемъ своей

(*) 17,000 русскихъ противъ 150,000 турокъ.

(**) 21-го іюля 1770 г.

артилеріи и ружейнымъ огнемъ, а наипаче дружнымъ приѣмомъ храбрыхъ нашихъ солдатъ въ штыки, пробились мы въ девять часовъ къ турецкому ретраншаменту, не видя еще того, чтобы непріятель съ робкимъ лицомъ намъ противился, покуда послѣдней пѣхоты его вылазку изъ ретраншаменты не опровергнули мы храбрымъ отпоромъ. Тутъ, призвавъ въ помощь Господа силъ, благословящаго оружіе Вашего Императорскаго Величества, и о имени Вашемъ, Всемиловѣйшая Государыня, ударили мы во всю мочь на мечъ и огонь турецкій, и одержали надъ онымъ верхъ, взошедъ въ ретраншаментъ, гдѣ не могъ болѣе держаться визирь, но со всѣми своими войски между которыми былъ польскій бунтовщикъ Потоцкій съ конфедератами, обращенъ въ бѣгъ къ Дунаю, отстоящему отсюда (т. е. отъ озера Кагула) въ 25 верстахъ, и завладѣла полнымъ его лагеремъ армія Вашего Императорскаго Величества, палатками, обозомъ и несчетнымъ багажемъ, и получила въ добычу всю артилерію, коей, по первому счету, оказалось 130 хорошихъ пушекъ съ лафетами.“

„Да позволено мнѣ будетъ — писалъ побѣдитель въ заключеніе — Всемиловѣйшая Государыня, настоящее дѣйствіе уподобить дѣламъ древнихъ римлянъ, въ томъ, въ чемъ Ваше Императорское Величество мнѣ ихъ примѣру подражать велѣли. Не такъ ли и армія Вашего Императорскаго Величества поступаетъ, что не спрашиваетъ: какъ великъ непріятель, но ищетъ, гдѣ только онъ?“

Вѣстникомъ побѣды Румянцевъ прислалъ бригадира Озерова, который, съ первымъ гренадерскимъ полкомъ, отразилъ послѣдній отчаянный натискъ янычаровъ и тѣмъ „начало подалъ къ одержанной побѣдѣ“.

Благодаря императрицу за чинъ генераль-фельдмаршала, Румянцевъ писалъ: „Похвала въ премудрости слова и толикомъ снисхожденіи изображенная моимъ дѣламъ и Высочайшее благоволеніе Вашего Императорскаго Величества возносятъ ихъ, а не ови сами собою. Се суть вѣнцы лестныя военныя славы, которые Ваша десница оружіедержательная дарствуетъ мнѣ. Я оными превышу многихъ вождевъ, которые судіями своихъ подвиговъ не имѣли подобной, какъ я, во бранѣхъ и тишинѣ, величествомъ и премудростію прославленной во всѣ концы земныя героини.... Сколь ни лестно рабу быть осчастливлену изреченіемъ своей Государыни, что и онъ займетъ въ

Ея вѣкъ несомнѣнно превосходное мѣсто предводителя искуснаго и усерднаго, но я не смѣю сего иначе принять, какъ только за безпредѣльную къ себѣ милость, и чту непреложно ту истину, что имя Вашего Величества дастъ великость и вѣку самому, и въ чертоги славы и безсмертія вводитъ по себѣ и своихъ подданныхъ, довольно прославленныхъ и единымъ уже Вашимъ къ нимъ благоволеніемъ.“

Дальнѣйшія подробности о кагульскомъ сраженіи Румянцева изложилъ въ письмахъ къ графу Петру Ивановичу Панину, покорителю Бендеръ.

„Записки“ Ермолова не оправдали, какъ извѣстно, тѣхъ ожиданій, которыя возлагались на нихъ обществомъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Если бы мемуары Алексѣя Петровича могли быть обнародованы, на примѣръ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, то интересъ ихъ былъ бы, конечно, выше; но послѣ того, что высказано было въ военно-историческихъ трудахъ генераловъ Михайловскаго-Данилевскаго и Богдановича, записки достойнѣйшаго дѣятеля въ отечественную войну уже не заключали въ себѣ ничего особенно неизвѣстнаго. Притомъ Ермоловъ, очень сдержанный и осторожный въ своихъ воспоминаніяхъ, или вовсе умолчалъ о многихъ чрезвычайно-важныхъ фактахъ, или упомянулъ о нихъ какъ бы мимоходомъ, а иногда ограничивался и просто малопонятнымъ намекомъ. Не мало вредить его запискамъ и тотъ искусственный, тяжело-витіеватый языкъ, отъ котораго онъ не могъ или не хотѣлъ отрѣшиться. Обнародованныя нынѣ „Дополненія“ къ запискамъ Ермолова должно причислить къ капитальнымъ военно-историческимъ матеріаламъ, и по нимъ-то вѣрнѣе всего можно прослѣдить за главными моментами войны 1812 года и за тѣми распоряженіями и мѣрами, которыя имѣли непосредственное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Такъ, на примѣръ, неоднократно обсуждавшійся нашими и иностранными военными историками вопросъ о томъ, по заранѣе ли начертанному плану отступили наши арміи при вторженіи Наполеона, или же отступление за Москву было вынуждено неотвратимыми обстоятельствами — этотъ вопросъ уясняется офиціальными бумагами, составляющими содержаніе „Дополненій“. Въ приказѣ по арміямъ императора Александра отъ 27-го іюня сказано, что *до соединенія всѣхъ корпусовъ первой арміи нужно было временное отступление*; „въ генеральной

диспозиціи къ наступательнымъ дѣйствіямъ“ (28-го іюля, въ лагерѣ при Дриссѣ) говорится, что арміи наши, при вторженіи непріятеля, *должны были сосредоточиться, отступя нѣкоторое пространство назадъ*, но что непріятель, предупредивъ насъ нѣсколькими маршами, сдѣлалъ соединеніе невозможнымъ. Въ той же диспозиціи выражена несомнѣнная надежда, что, по соединеніи нашихъ армій въ окрестностяхъ Опшмянъ, когда соберется около 170,000 русскихъ противъ 160,000 союзныхъ силъ, *эти силы будутъ совершенно разбиты и разсыяны*. Изъ писемъ князя Багратіона къ Ермолову прямо явствуетъ, что главнокомандующій второю арміей даже не воображалъ возможности далекаго отступленія, что оно приводило пылкаго и нетерпѣливаго героя въ сильнѣйшее негодованіе, которое онъ изливалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. „Я разсчелъ мои марши—писалъ князь Багратіонъ—такъ, что 23-го іюня главная моя квартира должна была быть въ Минскѣ; авангардъ далѣе, а партіи уже около Свенцянь. Но меня повернули на Новогрудекъ и велѣли идти или на Бѣлицу, или на Николаевъ, перейти Нѣманъ и тянуться къ Вилейкѣ, къ Сморгони, для соединенія. Я и пошелъ, хотя и написалъ, что невозможно, ибо тамъ три корпуса уже были на дорогѣ Минска и мѣста непроходимыя. Перешелъ въ Николаевъ Нѣманъ. Насилу спасся Платовъ, а мнѣ пробиваться невозможно было, ибо въ Воложинѣ и Вишневѣ была уже главная квартира Даву, и я *рисковалъ все потерять и обозы*. Я принужденъ назадъ бѣжать на минскую дорогу, но онъ успѣлъ захватить. Потомъ началъ показываться король Вестфальскій съ Понятовскимъ, перешли въ Бѣлицы и пошли на Новогрудекъ. Вотъ и пошла потѣха! Куда ни сунусь, вездѣ непріятель. Получилъ извѣстіе, что Минскъ занятъ и пошла сильная колонна на Борисовъ и по дорогѣ Бобруйска....“— „Что дѣлать? продолжаетъ князь Багратіонъ: сзади непріятель, съ боку непріятель, и вчерась получилъ извѣстіе, что и Минскъ занятъ. Я никакой здѣсь позиціи не имѣю, кромѣ болотъ, лѣсовъ, гребли и песку. Надо мнѣ выдраться, но Могилевъ въ опасности, и мнѣ надо бѣжать. Куда? въ Смоленскъ, дабы прикрыть Россію несчастную. И кѣмъ? Господиномъ Фулемъ. Я имѣю войска до 45,000. Правда, пойду смѣло на 50,000 и болѣе, но тогда, когда бы я былъ свободенъ, а какъ теперь и на 10,000 не могу. Что день опоздаю, то я окруженъ. Спасъ Дорохова detachementъ, и Платовъ

примкнулъ. Жаль государя: я его какъ душу люблю, преданъ ему, но видно насъ не любить. Какъ позволить ретироваться изъ Свенцянь въ Дриссу? Бойтесь Бога, стыдитесь! Россіи жалко! Войско ихъ шапками бы закидали. Писалъ я, слезно просилъ: наступайте, я помогу. Нѣтъ! Куда вы бѣжите? За что вы срамите Россію и армію? Наступайте, ради Бога!... Ей-Богу, непріятель мѣста не найдетъ, куда ретироваться. Они боятся насъ; войско ропщеть и всѣ недовольны. У васъ задъ былъ чистъ и фланги: зачѣмъ побѣжали? Надобно наступать: у васъ сто тысячъ, а я бы тогда помогъ. А то вы побѣжали, гдѣ я васъ найду? Нѣтъ, мой милый, я служилъ моему природному государю, а не Бонапарте. Мы проданы, я вижу; насъ ведутъ на гибель; я не могу равнодушно смотрѣть. Уже истинно еле дышу отъ досады, огорченія и смущенія. Я, ежели выдерусь отсюда, тогда ни за что не останусь командовать арміей и служить: стыдно носить мундиръ, ей-Богу, и болѣны! А ежели наступать будете съ первою армією, тогда я здоровъ. А то что за дуракъ! Министръ (т. е. Барклай) самъ бѣжить, а мнѣ приказываетъ всю Россію защищать и бить флангъ и тылъ какой-то непріятельскій. Если бы онъ былъ здѣсь, ногъ бы своихъ не выдралъ, а я выйду съ честію и буду ходить въ сюртукъ, а служить подъ игомъ иновѣрцевъ-мошенниковъ—никогда! Вообрази, братецъ: армію снабдилъ словно безъ издержекъ государю: духъ непобѣдимый выгналъ, мучился и рвался, жадничалъ все бить непріятеля; пригнали насъ на границу, растыкали какъ шашки, стояли ротъ розина, обсер... всю границу—и побѣжали! Гдѣ же мы защищаемъ? Ахъ, жаль, больно жаль Россіи! я со слезами пишу. Прощай! Я уже не слуга. Выведу войска на Могилевъ, и баста! Признаюсь, мнѣ все омерзѣло такъ, что съ ума схожу. Не смотря ни на что, ради Бога, ступайте и наступайте! Ей-Богу, оживимъ войска и шапками ихъ закидаемъ. Иначе будетъ революція въ Польшѣ! Проси государя наступать, иначе я не слуга никакъ!...

И атаманъ Платовъ, въ письмѣ къ Ермолову отъ 17-го іюля, выражалъ свое сѣтованіе по поводу постояннаго отступленія. „Я служу сорокъ второй годъ, а такого коловратства, которое я вижу, не видывалъ и не ожидалъ... Боже милостивый! что съ русскими арміями дѣлается? не побиты, а бѣжимъ! Одна (т. е. армія) со страхомъ отступаетъ, а другая отдаленными дорогами отходить безъ боя.“

Ермоловъ, болѣе хладнокровный и ближе знакомый съ истинными причинами отступленія, старался успокоить раздражительность князя Вагратіона, доходившую до болѣзненности. Вотъ что писалъ ему Алексѣй Петровичъ: „Я говорилъ министру о желаніи вашемъ, что арміи, имѣющей честь служить подъ вашими повелѣніями, угрожаетъ несчастье, что вы хотите сдать команду; это ему очень не понравилось; подобное промшество трудно было бы ему растолковать въ свою пользу. Нельзя скрыть, что вы не оставили бы арміи, если бы не было несогласія; но каждый долженъ вразумиться, что частныя неудовольствія не должны имѣть мѣста въ дѣлѣ, требующемъ усилій и стараній общихъ. Я замѣтилъ, что это даже его испугало, ибо впоследствии надо будетъ отдать отчетъ Россіи въ своемъ поведеніи.

„Конечно, мы счастливы подъ кроткимъ правленіемъ государя милосердаго; но настоящія обстоятельства и состояніе Россіи, выходя изъ порядка обыкновеннаго, налагаютъ на насъ обязанности и соотношенія необыкновенныя. Не одному государю надобно будетъ дать отчетъ въ дѣйствіяхъ своихъ отечеству, также и вы, ваше сіятельство, какъ и военный министръ. Вамъ, какъ человѣку, боготворимому подчиненными, тому, на него возложена надежда многихъ и всей Россіи, обязанъ я говорить истину. Да будетъ стыдно вамъ принимать частныя неудовольствія къ сердцу, когда стремленіе всѣхъ должно быть къ общей пользѣ. Это одно можетъ спасти погибающее отечество.

„Пишите обо всемъ государю. Если голосъ подобныхъ мнѣ не достигнетъ его престола, вашъ не можетъ быть не услышанъ.“

Въ другомъ письмѣ Ермоловъ говорилъ: „Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, я на колѣняхъ умоляю васъ, ради Бога, ради отечества, писать государю и объяснить съ нимъ откровенно. Вы этимъ исполните обязанность вашу относительно Его Величества и оправдаете себя предъ Россіей... Я люблю васъ слишкомъ горячо; вы благодѣтельствовали мнѣ, а потому я спрошу у самого государя: писали ли вы къ нему, или хранили виновное молчаніе? Тогда, достойнѣйшій начальникъ, вы будете виноваты. Если же вы не хотите, какъ человѣкъ, постигающій ужасное положеніе, въ которомъ мы теперь находимся, продолжать командованіе

арміей, я, при всемъ моемъ уваженіи къ великой особѣ, буду называть васъ и считать невеликодушнымъ. Принесите ваше самолюбіе въ жертву погибающему отечеству нашему; уступите другому и ожидайте, пока не назначать человѣка, какого требуютъ обстоятельства“.

Въ послѣдній разъ Багратіонъ, въ собственноручномъ письмѣ къ Барклаю отъ 16-го августа, изъ Максимовки, высказалъ мнѣніе, чтобы *дальше Гжатска не дѣлать ни шагу*. Онъ надѣялся, что у Гжатска должны быть хорошія позиціи. „Къ тому мѣсту можетъ прибыть новый главнокомандующій“, прибавляетъ онъ въ заключеніе.

Но и новый главнокомандующій послѣдовалъ, какъ извѣстно, примѣру прежняго и только подъ Бородиномъ, уступая общему требованію боя, остановился встрѣтить непріятеля. Извѣстно также, что императоръ Александръ, основываясь на донесеніи Кутузова о бородинской битвѣ, считалъ главныя силы непріятеля *отраженными* и потому выражалъ надежду, что *дальнѣйшее вторженіе будетъ остановлено*. Грусть и неудовольствіе свое, при извѣстіи о потерѣ Москвы и о дальнѣйшемъ отступленіи нашей арміи государь выразилъ въ собственноручномъ письмѣ къ Кутузову отъ 2-го октября. „Вы имѣли опыты моей готовности васъ награждать (*) — писалъ императоръ—сія готовность не ослабнетъ во мнѣ; но я и Россія вправдѣ ожидать съ вашей стороны всего усердія, твердости и успѣховъ, которыхъ умъ вашъ, воинскіе таланты и храбрость войскъ, вами предводительствуемыхъ, намъ предвѣщаютъ.“

Еще яснѣе высказалъ государь свое неудовольствіе Кутузову за его медленныя и нерѣшительныя дѣйствія въ собственноручномъ же письмѣ отъ 30-го октября, послѣ донесеній, полученныхъ до 24-го этого мѣсяца. „Съ крайнимъ сѣтованіемъ вижу я—писалъ императоръ Александръ — что надежда изгладитъ общую скорбь о потерѣ Москвы пересѣченіемъ врагу возвратнаго пути совершенно исчезла. Непонятное бездѣйствіе ваше послѣ счастливаго сраженія 6-го числа предъ Тарутинымъ, чѣмъ опущены тѣ выгоды, кои оно предвѣщало, и ненужное и пагубное отступление ваше, послѣ сраженія подъ

(*) За бородинское сраженіе Кутузовъ получалъ, какъ извѣстно, чинъ генералъ-фельдмаршала, 100,000 р., единовременно, а жена его пожалована въ статсъ-дамы.

Малыиъ Ярославцеиъ; до Гончарова, уничтожили все преимущество положенія вашего; ибо вы имѣли всю удобность ускорить непріятеля въ его отступленіи подъ Вязмою и тѣмъ отрѣзать путь покрайней мѣрѣ тремъ корпусамъ: Даву, Нею и вице-короля, сражавшимся подъ симъ городомъ. Имѣвъ столь превосходную легкую кавалерію, вы не имѣли довольно отрядовъ на смоленской дорогѣ, чтобы быть извѣщену о настоящихъ движеніяхъ непріятеля; ибо, въ противномъ случаѣ, вы бы увѣдомлены были, что 17-го числа Наполеонъ съ гвардіею своею уже прошелъ Гжатскъ.

„Нынѣ сими опущеніями вы подвергли корпусъ графа Витгенштейна очевидной опасности; ибо Наполеонъ, оставя передъ вами вышеупомянутые три корпуса, которые единственно вы преслѣдуете, будетъ въ возможности съ гвардіею своею усилить бывший корпусъ Сень-Сира и напасть превосходными силами на графа Витгенштейна.

„Обращая все ваше вниманіе на сіе столь справедливое опасеніе, я напоминаю вамъ, что всѣ несчастія, отъ сего проистечь могутъ, останутся на личной вашей отвѣтственности.“

Подъ этимъ письмомъ нѣтъ обычной подписи: „пробываю навсегда вамъ благосклонный“.

Не для одного историка войны 1812 года „Дополненія“ къ запискамъ Ермолова могутъ служить надежнымъ матеріаломъ: они столько же необходимы и для біографа Алексѣя Петровича, потому что въ числѣ бумагъ есть и такія, которыя касаются непосредственно его.

Упомянемъ о матеріалѣ для біографіи другаго доблестнаго дѣятеля отечественной войны. Но „Воспоминаніе о графѣ К. Ѳ. Толѣ“, г. Сушкова, относится къ другой эпохѣ, къ тому грустному времени, когда неблагопріятныя обстоятельства прекратили, послѣ войны съ польскими мятежниками, боевую дѣятельность графа Карла Ѳедоровича и перебросили его на такое служебное поприще, къ которому онъ никогда не готовился, но на которомъ обнаружилъ свою обычную любовь къ труду честному и безкорыстному. Мы говоримъ о назначеніи графа Толя главпоуправляющимъ вѣдомства путей сообщеній и публичныхъ зданій. Г. Сушковъ, упоминая о поступленіи своемъ въ это вѣдомство вице-директоромъ въ 1835 году, описываетъ свое знакомство съ графомъ Карломъ Ѳедоровичемъ и служеб-

ные труды его на новомъ полѣ дѣятельности. Много хорошаго было сдѣлано во время управленія графа Толя обширнымъ вѣдомствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій: преобразованы округи, съ дѣйствительнымъ сокращеніемъ верениски, достигнуты значительныя сбереженія казенныхъ, земскихъ и другихъ суммъ при государственныхъ постройкахъ, проложены новыя шоссейныя дороги, улучшены прежнія и открыты новыя водяныя сообщенія, возвращены къ производительности огромныя пространства земли по бичевникамъ, оставшіяся невоздѣланными, устроены бурлацкія артели. Будучи самъ человекомъ истинно-просвѣщеннымъ, графъ Толь не могъ не слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ за успѣхами образованія и за нравственностію воспитанниковъ института путей сообщенія; въ то же время онъ заботился о развитіи чувствъ чести и человѣческаго достоинства между служащими, поощряя дарованія, безкорыстіе, полезныя труды, устраняя людей ненадежныхъ, нерадивыхъ, любостыжательныхъ.

Говоря о разумной и полезной дѣятельности графа Толя, г. Сушковъ не умалчиваетъ и о предубѣжденіи его противъ желѣзныхъ дорогъ. Еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ, тамбовскій губернаторъ Гамалѣя представилъ въ главное управленіе проектъ проведенія небольшой желѣзной дороги къ Моршанской пристани, чтобы ускорить подвозы товарной клади и оживить мѣстную промышленность; пособія отъ казны при этомъ не требовалось, такъ какъ все предполагалось сдѣлать на частныя капиталы. Проектъ не былъ одобренъ, а впослѣдствіи графъ Толь, по выраженію г. Сушкова, „не понялъ или не хотѣлъ понять и благой мысли императора Николая—соединить желѣзнымъ путемъ обѣ столицы“. Извѣстно, впрочемъ, что и графъ Канкринъ, обладавшій безспорно въ высшей степени практическимъ умомъ, не сочувствовалъ проведенію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Во Франціи противникомъ рельсовыхъ путей былъ Тьеръ.

Г. Сушковъ упоминаетъ еще о двухъ эпизодахъ изъ жизни графа Толя, тѣмъ болѣе замѣчательныхъ, что оба случая вовсе не сообразовались съ его характеромъ. Въ 1818 или въ 1819 году, въ пріятельскомъ кружку нѣсколькихъ генераловъ, зашла рѣчь о военныхъ подвигахъ нашихъ войскъ, объ удачахъ того или другаго лица, о дѣятельности въ той или другой мѣстности. Воспоминанія между генералами мало по малу приняли харак-

теръ спора. Особенно горячился графъ Орловъ-Денисовъ; Толь не менѣе жарко противорѣчилъ ему. То, что графъ Василій Васильевичъ присвоивалъ себѣ, то Карлъ Федоровичъ удерживалъ за собою. Кончилось тѣмъ, что графъ Орловъ-Денисовъ предложилъ рѣшить споръ поединкомъ. Толь принялъ вызовъ. Секундантами согласились быть графъ Е. Ѳ. Комаровскій и графъ П. В. Голеницевъ-Кутузовъ. Къ счастью, секунданты помирили соперниковъ.

Второй эпизодъ былъ слѣдствіемъ размолвки графа Толя съ княземъ Варшавскимъ. Извѣстно, какое участіе принималъ графъ Толь въ войну съ польскими мятежниками и какая доля успѣха принадлежитъ ему въ покореніи Варшавы (*). Вотъ по этому-то щекотливому вопросу и произошло столкновение его съ фельд-маршаломъ. Паскевичъ приписывалъ весь успѣхъ побѣды надъ поляками единственно точному исполненію своихъ предначертаній; напротивъ, графъ Толь относилъ лично къ себѣ взятіе Варшавы. Размолвка привела къ тому, что графъ Толь, давъ команду, уѣхалъ изъ арміи, не испросивъ разрѣшенія фельд-маршала, а послѣдствіемъ такого поступка была временная опала: въ приказѣ, которымъ объявлялась высочайшая благодарность войскамъ и разнымъ начальникамъ поименно, графъ Толь не былъ названъ.

Правдивому суду исторіи предстоитъ рѣшить сущность распри между двумя нашими достойными военачальниками и воздать каждому изъ нихъ свое.

Педагогическій Сборникъ, книжки 13, 14 и 15 за 1865 г.

Замѣчанія на характеръ преподаванія специальныхъ предметовъ въ военныхъ училищахъ.—Мѣры къ улучшенію системы преподаванія русскаго языка.—Провожденіе лѣтняго времени воспитанниками военныхъ гимназій.—Планъ учебной части въ юнкерскихъ училищахъ.

Въ послѣднемъ обзорѣни „Педагогическаго Сборника“ (**)
мы указали на мнѣнія комисіи, присутствовавшей въ прошедшемъ году на экзаменахъ юнкеровъ двухъ петербургскихъ

(*) См. статью А. И. Веригина: „Штурмъ Варшавы въ 1831 году и нѣсколько замѣчаній о польской войнѣ“, напечатанную въ № 9 „Военнаго Сборника“ за 1860 годъ.

(**) См. „Военный Сборникъ“ 1866 г., № 2.

военныхъ училищъ. Не ограничиваясь измѣненіями въ объемѣ содержанія курсовъ военныхъ наукъ, предлагаемыми комисіею, одинъ изъ членовъ ея, г. Снессоревъ, въ особой запискѣ предлагалъ новый методъ преподаванія.

Военные вопросы, затронутые комисіею и изложенные въ особой запискѣ г. Снессорева, вызвали возраженія со стороны г. Авилова, который въ небольшой замѣткѣ старается указать на невѣрность нѣкоторыхъ взглядовъ, особенно въ отношеніи тѣхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ вся система образованія въ военныхъ училищахъ.

Г. Авиловъ, авторъ „Замѣтки объ отзывѣхъ членовъ экзаменной комисіи“ (*), находитъ, во-первыхъ, что свѣдѣнія, приобрѣтенныя путемъ изученія отдѣльных, ничѣмъ несвязанныхъ положеній, а не путемъ научнаго изслѣдованія ряда мыслей, тѣсно между собою связанныхъ, не принесутъ развитію учащихя никакой пользы. „Какъ бы ни былъ подробенъ сборникъ положеній, касающихся какого-нибудь, даже самаго спеціальнаго предмета—говоритъ авторъ—все же онъ не будетъ въ состояніи передать все разнообразіе частныхъ, встрѣчающихся въ дѣйствительности, и человекъ, составившій себѣ понятіе по такому сборнику, будетъ всякій разъ поставленъ въ затрудненіе, коль скоро встрѣтится случай, въ немъ необозначенный.“ Только научный методъ преподаванія даетъ возможность ученику доходить самому до правильнаго пониманія частныхъ, хотя бы тѣ и не входили прямо въ составъ курса.

Во-вторыхъ, введеніе въ курсъ военныхъ училищъ „нѣкоторыхъ знаній“, какъ это предлагаетъ г. Снессоревъ, по мнѣнію г. Авилова, едва-ли принесетъ какіе-либо полезные результаты. „Полузнаніе—говоритъ онъ (стр. 1055)—основанное на нѣкоторыхъ замѣткахъ, помѣстившихся въ класныхъ тетрадкахъ, вреднѣе полнаго незнанія: оно только можетъ вести къ самоувѣренности тамъ, гдѣ совершенное незнаніе остановилось бы еще, по крайней мѣрѣ, въ сомнѣніи.“

Наконецъ г. Авиловъ не допускаетъ возможности, чтобы измѣненіе метода преподаванія по указаніямъ г. Снессорева и низведеніе курса военныхъ училищъ къ курсу юнкерскихъ училищъ могло возвысить степень образованія въ массѣ офи-

(*) „Педагогическій Сборникъ“, кн. XIII, 1053—1059.

церовъ. Не только нельзя допустить подобныхъ измѣненій, но даже слѣдуетъ обратить вниманіе на развитіе въ военныхъ училищахъ общеобразовательнаго элемента, не упуская при этомъ изъ вида педагогическихъ приѣмовъ и въ преподаваніи военныхъ наукъ, ибо въ каждомъ учебномъ заведеніи, даже въ высшемъ, слушатели тѣмъ болѣе извлекутъ пользы изъ лекцій, чѣмъ больше профессоръ будетъ указывать на тѣ методы изслѣдованія, которыми добываются научныя истины.

А потому, по мнѣнію г. Авилова, отказаться отъ педагогическаго способа преподаванія въ военныхъ училищахъ все равно, что лишитъ молодыхъ людей основательнаго образованія, слѣдовательно лишитъ ихъ и того значенія, которое они должны имѣть въ рядахъ войскъ.

Молодыхъ людей, поступающихъ въ военныя училища, г. Авиловъ считаетъ далеко не такъ развитыми, даже и по самому возрасту, чтобы въ училищахъ можно было покончить съ общеобразовательными науками. По его мнѣнію, не мѣсто въ гимназіяхъ затрогивать вопросы, требующіе нѣкоторой зрѣлости отъ слушателя и достаточнаго развитія для пониманія разнообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается общественная государственная жизнь.

Всестороннее обсужденіе вопроса о надлежащемъ устройствѣ курса военныхъ училищъ до такой степени важно, что мнѣнія, выражаемые на страницахъ „Педагогическаго Сборника“, принесутъ несомнѣнную пользу, особенно если въ этихъ мнѣніяхъ, какъ въ замѣткѣ г. Авилова, высказываются положительные доводы, спокойно и безпристрастно.

Нельзя также не остановиться безъ интереса, въ послѣднихъ книжкахъ „Педагогическаго Сборника“ за минувшій годъ, на разработкѣ вопроса о преподаваніи русскаго языка какъ въ военныхъ училищахъ, такъ и въ военныхъ гимназіяхъ. Коренное преобразование кадетскихъ корпусовъ, перестройка всю систему военно-учебныхъ заведеній, мало по малу коснулось и учебнаго плана. Въ протоколахъ педагогическихъ собраній военныхъ училищъ, въ запискахъ преподавателей и въ печатныхъ статьяхъ, вездѣ высказываются жалобы на поразительную скудость начитанности большинства молодыхъ людей въ возрастѣ 16, 17 лѣтъ, на неспособность ясно и понятно выражать свои мысли и правильно излагать ихъ на бумагѣ.

Съ этой стороны заслуживаютъ глубокаго вниманія за-

мѣчанія г. Живаго „О занятіяхъ по русскому языку въ Александровскомъ военномъ училищѣ“. Результаты, достигнутые имъ въ письменныхъ работахъ въ короткое время, замѣчательны; но, съ другой стороны, предлагаемая имъ система занятій, по своей сложности, едва-ли вполнѣ примѣнима.

Поэтому-то комісія, назначенная при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній для обсужденія способовъ преподаванія русскаго языка и словесности (*), по разсмотрѣніи хода занятій юнкеровъ въ двухъ военныхъ училищахъ, пришла къ убѣжденію, что недостаточно ограничиваться одними практическими упражненіями, а надобно обратить вниманіе и на изученіе избранныхъ сочиненій, какъ одного изъ существенныхъ элементовъ общаго образованія. Принимая затѣмъ въ соображеніе подготовку воспитанниковъ военныхъ гимназій, комісія предположила на будущее время въ военныхъ училищахъ вести занятія по русскому языку и словесности такъ, чтобы воспитанники знакомились съ избранными преподавателемъ классическими сочиненіями и сами пріучались къ письменнымъ самостоятельнымъ работамъ. Изучая словесныя произведенія, воспитанники должны доискиваться въ нихъ до основной мысли и плана, вдумываться въ подробности содержанія и по возможности вникать въ особенности, обусловливаемые временемъ и личностію автора. Разобранныя преподавателемъ сочиненія должны служить матеріаломъ для исторіи литературы и теоріи словесности и для письменныхъ практическихъ упражненій. При этомъ принято, чтобы въ исправляемыхъ письменныхъ темахъ преподаватель обращалъ вниманіе на правильность и чистоту языка, стараясь при всякомъ исправленіи восполнять замѣчаемые недостатки познаній юнкеровъ въ грамматикѣ и орфографіи.

Что же касается до опредѣленія порядка занятій русскимъ языкомъ въ военныхъ гимназіяхъ, то та же комісія (**), усмотрѣвъ изъ донесеній нѣкоторыхъ училищъ уклоненія отъ установленныхъ основаній, нашла необходимымъ на первое время невозможно яснѣе опредѣлить цѣли преподаванія отечественнаго языка и главные средства для ихъ достиженія. Цѣли эти: *общеобразовательная* — развитіе наблюдательности, нравственнаго чувства и вкуса, обогащеніе мыслями и познаніями, и *спеціальная* — усвоеніе способовъ выразить мы-

(*) Протоколъ этой комісії помѣщенъ въ № 13 „Педагогическаго Сборника“.

(**) Протоколъ коміеіи. „Педагогическій Сборникъ“, № 15.

сли съ грамматическою и логическою правильностію. Основаніемъ всего курса должно быть изученіе избранныхъ сочиненій, во всѣхъ классахъ безъ исключенія. Съ этою самою существенною частію преподаванія должны находиться въ тѣсной связи всѣ прочія работы по русскому языку. Статьи для прочтенія избираются сообразно возрасту и развитію учащихся. Затѣмъ комісія опредѣляла планъ преподаванія и указала на сочиненія, въ которыхъ, по мнѣнію ея, излагается методъ преподаванія отечественнаго языка и словесности, соотвѣтствующій потребностямъ среднѣеучебныхъ заведеній.

— Полезное препровожденіе лѣтнаго времени воспитанниками военныхъ гимназій, безъ сомнѣнія, составляетъ важную задачу не только въ гигиеническомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Лѣтнимъ занятіямъ необходимо придать такой характеръ, чтобы препровожденіе лагернаго времени было и отдыхомъ, и разумнымъ развлеченіемъ, укрѣпляющими физическія и нравственныя силы юношей. Военныя гимназіи, готовящія кандидатовъ для комплектованія военныхъ училищъ, должны воспользоваться лѣтнимъ временемъ по возможности болѣе для развитія въ своихъ питомцахъ тѣхъ качествъ, съ которыми тѣсно соединено будущее назначеніе ихъ, какъ военныхъ людей. Эта идея, кажется, должна лежать въ основаніи всего вообще физическаго воспитанія питомцевъ военныхъ гимназій.

Хотя военныя гимназіи еще не выработали достаточно полной программы, въ которой проводилась бы одна общая идея—физическаго укрѣпленія юношей—тѣмъ не менѣе уже замѣтно стремленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ установить всѣ лѣтнія занятія такъ, чтобы воспитанникамъ открывался возможно-широкій просторъ къ ихъ физическому развитію.

Мы со вниманіемъ прочитали отчеты разныхъ военныхъ гимназій (*) о препровожденіи воспитанниками мѣнушаго лѣта.

Прогулки въ болѣе или менѣе удаленныя отъ лагеря мѣста, съ различными учебными цѣлями, гимнастическія упражненія, фронтовыя ученья, практическія занятія по топографіи и проч. наполняютъ лѣтнее время воспитанниковъ нашихъ военныхъ гимназій. Толяковое распредѣленіе времени для этихъ

(*) См. „Педагогическій Сборникъ“, № 15.

занятій, можетъ быть, достигнуто еще и не всеми заведениями съ одинаковымъ успѣхомъ, сдѣланы были, вѣроятно, нѣкоторыя упущенія и ошибки, но важно и утѣшительно уже и то, что положены зачатки наиболѣе рациональнаго употребленія лѣтняго времени.

Сюда же надобно отнести и разнообразныя игры, которыми стараются занять воспитанниковъ. При этомъ не упущена изъ виду и умственная сторона развитія. Хотя умственный отдыхъ для подросткающаго поколѣнія крайне необходимъ, и лучшимъ періодомъ для этого, конечно, должно быть лѣтнее время, какъ самая благоприятная часть года для освѣженія физическихъ силъ, однако нельзя отрицать не только возможности, но и пользы умственныхъ занятій. Надобно только, чтобы они не обращались въ усидчивую, продолжительную работу, а составляли родъ развлечения, хотя бы даже обязательнаго. Въ военныхъ гимназіяхъ умственныя занятія воспитанниковъ, въ теченіе лѣтняго времени, состояли въ чтеніи избранныхъ сочиненій, разсказахъ и письменныхъ работахъ, въ повтореніи математики и въ изученіи языковъ. На это обыкновенно посвящалось въ сутки около двухъ часовъ времени, съ надлежащими промежутками.

Такъ какъ всѣ занятія воспитанниковъ ведутся подъ непосредственнымъ руководствомъ воспитателей, то нѣтъ сомнѣній, какъ сказано въ отчетѣ одной гимназіи, что лагерное время было особенно полезно и въ воспитательномъ отношеніи: оно дало воспитателямъ болѣшую возможность сблизиться съ воспитанниками и открыло новыя средства для нравственнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ.

Кромѣ военныхъ училищъ и военныхъ гимназій, не мало интереса заслуживаютъ юнкерскія училища, съ устройствомъ которыхъ читатели „Военнаго Сборника“ уже достаточно знакомы. Въ послѣднихъ двухъ книжкахъ „Педагогическаго Сборника“ (№№ 14 и 15) помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Планъ учебной части въ юнкерскихъ училищахъ“. Въ ней авторъ старается изъ опытовъ прошедшихъ лѣтъ и трудовъ комисіи вывести основныя начала устройства учебной части, надлежащая постановка которой представляетъ нелегкую задачу. „Настоящимъ критическимъ обзоромъ — говоритъ онъ — постепеннаго развитія учебной части въ бывшихъ школахъ при войскахъ, до послѣднихъ мѣръ главнаго управленія, мы имѣемъ въ виду съ возможною полнотою, на сколько позволяютъ имѣю-

щисся у насъ оефициальные источники, изобразить тѣ стремленія, какія съ давнихъ временъ выработывались въ этихъ войсковыхъ учрежденіяхъ, дабы, не забывая прошедшихъ опытовъ, выяснить конечную, возможную цѣль образованія нашихъ будущихъ оефицеровъ въ нынѣ учреждаемыхъ юнкерскихъ училищахъ. Эта конечная цѣль образованія должна сообразоваться съ потребностями спеціальной подготовки строевыхъ оефицеровъ; съ развитіемъ войсковаго воспитанія, съ улучшеніями въ военномъ искусствѣ, съ усовершенствованіями боевыми и административными нашей арміи должно быть въ самой тѣсной связи и образованіе массы строевыхъ оефицеровъ. Съ другой стороны, такое стремленіе юнкерскихъ училищъ будетъ всегда въ зависимости отъ умственного уровня той среды, какая будетъ служить главнымъ источникомъ комплектованія армейскихъ оефицеровъ.“

Извѣстно, что первоначальныя юнкерскія школы, учрежденныя до 1830 года, преслѣдовали одну какую-либо сторону въ спеціальномъ образованіи: или боевую (школы 1-й арміи), или административную (школы 2-й арміи). Въ школахъ, возникшихъ послѣ крымской войны, старались соединить оба элемента, но, или вслѣдствіе скорого ихъ закрытія, или по недостатку опыта, въ устройствѣ учебной части не были достигнуты важнѣйшія задачи: составъ курсовъ, методъ преподаванія и несоразмѣрность требованій вредили успѣшному образованію молодыхъ людей, поступающихъ съ крайне-ограниченными познаніями.

Комисія, составлявшая положеніе для нынѣшнихъ училищъ, имѣя въ виду преимущественно школу 4-го корпуса, трудившуюся для арміи съ удовлетворительнымъ успѣхомъ семь лѣтъ, въ протоколѣ своемъ опредѣлила тотъ путь въ образованіи юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, по которому юнкерскія училища должны слѣдовать въ построеніи учебнаго плана.

„Всякое требованіе — сказано въ отчетѣ — выходящее изъ предѣловъ ближайшаго строеваго образованія, принесетъ дѣйствительную пользу только при условіи, чтобы это требованіе было исполнѣ соразмѣрно времени и средствамъ, которыми могутъ располагать училища, равно какъ и степени подготовленія учащихся.“

Съ учрежденіемъ юнкерскихъ училищъ оставался однако не исполнѣ разрѣшеннымъ наиболѣе важный вопросъ, отъ разрѣ-

шенія котораго зависѣла постановка курсовъ, опредѣленіе конечной цѣли училищъ, или, лучше, опредѣленіе: *въ чемъ должно состоять образованіе строеваго офицера*. Разрѣшеніемъ такой задачи занялась особая комисія изъ начальниковъ училищъ. Обзоръ трудовъ этой комисіи составляетъ вторую половину разсматриваемой нами статьи, въ которой довольно подробно изложены основанія, принятія при устройствѣ учебной части въ учрежденныхъ десяти юнкерскихъ училищахъ.

Работы этой комисіи нельзя считать окончательными. „Мы остановились—говоритъ авторъ въ заключеніе своей статьи—можетъ быть болѣе, чѣмъ слѣдовало, на трудахъ комисіи, установившей основныя начала въ составѣ курсовъ и способахъ преподаванія, будучи увѣрены, что принятія теперь къ руководству положенія составляютъ лишь первую ступень къ дальнѣйшему развитію плана учебной части.“

Кромѣ поименованныхъ статей, большаго вниманія заслуживаютъ статьи г. *Ушинскаго*: „Главнѣйшія черты человѣческаго организма въ приложеніи къ искусству воспитанія“. Въ теченіе прошлаго года „Педагогическій Сборникъ“ помѣстилъ двѣнадцать главъ. Несмотря на спеціальность предмета, статьи г. Ушинскаго читаются съ интересомъ и, конечно, принесутъ немалую пользу для уясненія вопросовъ и методовъ воспитанія. Г. *Борнбушъ*, въ своей послѣдней статьѣ: „Система военнаго воспитанія и образованія въ Австріи“, знакомитъ съ устройствомъ военныхъ академій и берейторскихъ институтовъ.

П. В.

Полицейскія постановленія иностранныхъ государствъ. (Франція, Пруссія, Австрія, Саксонія и Ирландія.) Спб. 1866.
Томы I, II и III.

Для устройства полиціи въ царствѣ Польскомъ признано было необходимымъ собрать свѣдѣнія о положеніи полицейской части въ различныхъ европейскихъ государствахъ, особенно въ тѣхъ прежнихъ польскихъ провинціяхъ, которыя отошли къ Австріи и Пруссіи.

Хотя свѣдѣнія эти были и прежде собираемы и частію печатаемы у насъ въ повременныхъ изданіяхъ или отдѣльными брошюрами, но до сихъ поръ полицейское заграничное законо-

дѣятельство рассматривалось лишь въ общихъ чертахъ, безъ тѣхъ ближайшихъ практическихъ изслѣдованій, которыя могутъ дать ясное понятіе не только объ общей организаціи полиціи, но и о подробностяхъ ея нынѣшняго устройства и образа дѣйствій.

По этой причинѣ, флигель-адъютанту полковнику Анненкову было поручено собрать на мѣстѣ самыя подробныя свѣдѣнія о полиціи въ различныхъ государствахъ, именно: во Франціи, въ Пруссіи, Австріи, Саксоніи и въ Англіи. Не всѣ части полицейскаго устройства въ каждомъ изъ этихъ государствъ могли быть описаны съ одинаковою полнотою; тѣмъ не менѣе собранныя данныя заключаютъ въ себѣ многія практическія указанія, до сихъ поръ у насъ необнародованныя. Настоящее изданіе, предпринятое съ цѣлю попомненія этого пробѣла, предназначено, по самому содержанию своему, для разныхъ справокъ и соображеній.

Указавъ цѣль и значеніе изданія, считаемъ нелишнимъ оговорить, что нѣкоторыя любопытныя данныя, по краткости времени еще неразработанныя, будутъ вслѣдъ засямъ напечатаны особо.

При предполагаемыхъ преобразованіяхъ полиціи, не только въ царствѣ Польскомъ, но и въ имперіи, настоящее изданіе получаетъ особое значеніе и можетъ принести дѣйствительную пользу, представляя готовый матеріалъ для предпринятыхъ работъ, необходимый всѣмъ участвующимъ въ реформѣ полиціи.

The British army and navy Review (Британское военное и морское обозрѣніе), *ММ* 10 — 22, 9 книжекъ 1865 г. и 3 книжки 1866 г.

Содержаніе этого лучшаго англійскаго военнаго журнала, выходящаго ежемѣсячно небольшими книжками, весьма разнообразно. Въ немъ встрѣчаются статьи, относящіяся до военной исторіи, стратегіи, тактики, администраціи, военно-уголовныхъ процессовъ, повѣсти, рассказы, стихотворенія, описанія путешествій, представляющихъ общій интересъ; кромѣ того, помѣщаются біографіи знаменитыхъ людей и разборы вновь вышедшихъ лучшихъ сочиненій по военной и морской частямъ; наконецъ, къ каждой изъ шести первыхъ книжекъ прилагаются квар-

тирное росписаніе британской арміи и списки судовъ военнаго флота, снаряженныхъ для плаванія.

Въ разсматриваемыхъ нами 12 книжкахъ журнала преобладаютъ статьи *беллетристическія*. Изъ нихъ замѣчательнѣе другихъ: „Сцены французско-арабской жизни“, мѣтко характеризующія образъ жизни, нравы, обычай туземцевъ Алжиріи и поселившихся въ ней или временно-пребывающихъ французовъ. Въ статьѣ: „Подъ двумя флагами, повѣсть изъ быта домашняго и въ пустынѣ“, описываются судьба и походы одного солдатскаго семейства англійской гвардіи въ метрополи и колоніяхъ. Далѣе: „Слишкомъ поздно“, разсказъ изъ траншейной жизни подъ Севастополемъ; разсказъ: „Далматская вендетта“ полковника Пулетъ-Камерона, извѣстнаго своимъ сочиненіемъ: „Похожденія въ Грузіи, въ землѣ черкесовъ и въ Россіи“.

По *военной исторіи* помѣщены двѣ статьи капитана 93-го южнаго шотландскаго полка Ноллиса (W. W. Knollys), относящіяся къ войнѣ англичанъ на Пиренейскомъ полуостровѣ въ 1808 и 1809 годахъ. Статьи того же автора „Послѣдній походъ сэра Джона Мура“ и „Какъ Веллингтонъ заслужилъ званіе пера“, не прибавляютъ ничего новаго къ тому, что извѣстно о военныхъ дѣйствіяхъ англійскихъ войскъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Цѣль первой статьи—изобразить романтическую судьбу героя ея, кончина котораго послѣдовала въ моментъ побѣды, когда сэръ Джонъ Муръ окончательно преодолѣлъ всѣ трудности и опасности отступленія. „Читая этотъ замѣчательный походъ — говоритъ авторъ — восхищаешься и рыцарскою смѣлостію, руководившею составителя плана кампаніи, и искусствомъ, съ которымъ она приведена была въ исполненіе, и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ней впервые Наполеонъ встрѣтился съ англійскими войсками и потерпѣлъ первыя неудачи.“ Въ статьѣ: „Какъ Веллингтонъ заслужилъ званіе пера“, и въ статьѣ неизвѣстнаго автора: „Какъ Веллингтонъ заслужилъ шпоры“, разсматриваются дѣйствія этого знаменитаго полководца, которымъ справедливо гордятся англичане и потому съ особенною заботливостію передаютъ потомству мельчайшія подробности о его жизни и подвигахъ.

Статья: „Экспедиція сэра Фрэнсиса Дрека (Drake) въ Кадиксъ въ 1587 году“ весьма интересна для моряковъ.

Кромѣ поименованныхъ, къ военно-историческимъ статьямъ можно отнести небольшую статейку: „Бутанская экспе-

диція“, и болѣе обширную: „Мальта въ XVIII столѣтіи“. Остановимся на первой, ибо въ ней встрѣчаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Бутанѣ, интересныя для насъ, русскихъ, по географическому положенію и близкому сосѣдству этой области съ Туркестанскою областію.

Опустошительныя набѣги дикихъ горныхъ обитателей Бутана на сосѣднія равнины, принадлежащія великобританской коронѣ или состоящимъ подъ ея покровительство туземнымъ владѣльцамъ, и оскорбленіе Эдена, посланнаго генералъ-губернаторомъ Индіи лордомъ Эльджиномъ для переговоровъ, побудили послѣдняго еще въ 1857 году рѣшиться на экспедицію въ эти предгорія Гималайскаго хребта. Вспыхнувшій между тѣмъ мятежъ сипаевъ заставилъ отложить экспедицію до 1864 года.

Бутанъ образуетъ страну, имѣющую видъ эллипса и лежащую между Бенгаломъ и Тибетомъ и 26 и 29 градусами сѣверной широты. Восточныя отрасли громаднаго Гималайскаго хребта отдѣляютъ Бутанъ отъ Тибета на сѣверѣ; провинціи Ассамъ, Говльпара и владѣніе Кушъ-Бегаръ составляютъ границу на югѣ; на востокъ прилегаетъ холмообразная полоса, населенная дикими горцами, а на западѣ владѣніе Сиккимъ. Длина Бутана по большому поперечнику съ востока на западъ около 350, ширина съ сѣвера на югъ около 180 верстъ. Большой поперечникъ обозначенъ рядомъ высотъ, образующихъ сѣверный предѣлъ долины рѣки Бергампутера; кромѣ того здѣсь возвышаются два другихъ горныхъ хребта, рѣзко обозначенныхъ и идущихъ параллельно къ оному. Первый—сѣверный, составляющій границу между Бутаномъ и Тибетомъ; другой—южный, отпрыски котораго достигаютъ Бенгальской провинціи. За исключеніемъ узкой полосы, прилегающей къ послѣднему ряду холмовъ, весь Бутанъ представляетъ непрерывную цѣпь лѣсистыхъ и суровыхъ горъ, богатыхъ живописными видами и надъ которыми высятся пикообразныя вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Многочисленныя рѣки и потоки, истекая изъ сѣверной цѣпи холмовъ, направляются подъ прямыми углами къ общей линіи горъ на югъ. Эти рѣки, прорѣзывая двѣ южныя части цѣпи, образуютъ глубокія дефиле съ отвѣсными боками, имѣютъ быстрое и извилистое теченіе, изобилующее водопадами, и изливаются наконецъ въ Бергампутеръ. Значительнѣйшія изъ рѣкъ: Монасъ, Матусемъ, Гельдада, Тореша, Джердекеръ и Дерля. Ни одна

изъ нихъ не проходима въ бродъ, при истокахъ изъ центральнаго хребта горъ.

Жители южныхъ частей Бутана занимаются разведеніемъ риса. Между этими частями и горами пролегаетъ полоса самой роскошной растительности; но она отличается такимъ злокачественнымъ климатомъ, что даже туземцы страдаютъ отъ него. Въ горной полосѣ свойство климата зависитъ отъ возвышенія надъ уровнемъ моря. Такъ, на примѣръ, въ городахъ Пенакъ (зимняя резиденція владѣтеля страны) и Гассъ, находящихся одинъ въ виду другаго, жители перваго задыхаются отъ тропическаго жара, между тѣмъ какъ обитатели втораго живутъ постоянно въ близкомъ сосѣдствѣ съ вѣчными снѣгами. Дожди въ горахъ часты, но умѣренны; вѣтры, бушующіе въ горныхъ ущельяхъ, нерѣдко превращаются въ опустошительныя бури.

Народъ трудолюбивъ; но трудъ хлѣбопашца, исключая равнинъ, гдѣ воздѣлывается рисъ, мало производителенъ. Въ окрестностяхъ разбросанныхъ по странѣ селеній расчищены участки земли, производящіе, для мѣстнаго потребленія, ячмень, пшеницу, гречиху. Въ лѣсахъ, покрывающихъ горы, растутъ: въ верхнихъ частяхъ ель и сосна; затѣмъ кленъ, букъ, ясень, а еще ниже, впрочемъ на высотѣ 8,000—9,000 футовъ, дубъ и розовый лавръ. Въ лѣсахъ, покрывающихъ южные склоны горныхъ хребтовъ, встрѣчаются тигры, олени, буйволы, слоны, а также порода обезьянъ, почитаемыхъ священными какъ бутанцами, такъ и индусами; но въ холмистыхъ частяхъ страны дикихъ звѣрей вообще мало. Лошади составляютъ особую породу пони, весьма крѣпкую и способную къ переноскѣ тяжестей въ горахъ.

Коренные жители Бутана имѣютъ больше сходства съ татарскою, нежели съ бенгальскою расою: у нихъ широкія лица, съ узкими, продолговатыми татарскими глазами и выдавшимися скулами; они великорослы и сильны и физически гораздо развитѣе обитателей равнинъ.

Все бутанцы исповѣдуютъ будизмъ. Жрецы составляютъ отдѣльную касту и связаны строгими обѣтами безбрачія; они распределены, по цѣлой странѣ, въ монастыряхъ и другихъ духовныхъ заведеніяхъ.

Верховный властелинъ Бутана носитъ названіе „дебранъ“;

мѣстопробываніе его въ Тассисудонѣ и Пенакѣ. Надъ подданными онъ имѣеть деспотическую власть.

Первое столкновеніе между англичанами и бутанцами произошло еще въ 1772 году, по поводу вторженія дебраи въ Кушбигаръ, васальное владѣніе Бенгала. Вторженіе это было отражено отрядомъ англійскихъ войскъ, преслѣдовавшихъ бутанцевъ въ ихъ собственной землѣ. Черезъ два года заключенъ былъ, при посредствѣ тибетскаго ламы, миръ и начаты переговоры съ торговыми цѣльями, оказавшіеся безуспѣшными. Вскорѣ послѣ того бутанцы заняли горные проходы въ полосѣ земли между южною цѣпью горъ и границею Бенгала, населенной племенемъ дуаровъ, съ обязательствомъ платить подать. Обязательства этого они не только не исполнили, но даже стали грабить жителей прилегающихъ равнинъ, подданныхъ Великобританіи. Это заставило въ 1864 году генералъ-губернатора Индіи рѣшиться на присоединеніе къ англійскимъ владѣніямъ страны дуаровъ и на овладѣніе тѣми изъ горныхъ проходоу, которые окажутся нужными для обезпеченія отъ вторженія грабителей. Экспедиція, весьма кратко описанная въ разсматриваемой нами статейкѣ, какъ извѣстно изъ газетъ, была неудачна, по причинѣ ошибочныхъ распоряженій англійскихъ властей въ Индіи. Редакція журнала по этому поводу говорить (въ іюньской книжкѣ прошлаго года): „Надобно надѣяться, что если правительство рѣшится на экспедицію во внутрь Бутана, то индійскія власти примуть мѣры для успѣшнаго окончанія ея до начала похода, а не тогда, когда неудачи обнаружатъ, что бутанцы не варварское племя, которое можно было бы презирать и обуздывать сипаями безъ поддержки британскихъ войскъ; что при этомъ будутъ имѣть въ виду свойства страны, гдѣ условія почвы почти уравниваютъ камень и лугъ въ рукахъ дикаря съ винтовкою и штыкомъ въ рукахъ солдата европейскаго образованнаго, и гдѣ встрѣчаются ущелья, лѣса и естественные крѣпкіе пункты, въ которыхъ три человека могутъ остановить тысячу“.

Въ статьѣ „Канада“ сдѣланъ краткій очеркъ этой страны, со стратегической точки зрѣнія, и изложены мѣры, которыя необходимо принять для отраженія нападенія въ эту обширную британскую колонію со стороны Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

По тактикѣ помѣщены статьи: о „Построеніи кавалеріи

и „О лагеряхъ“. Въ первой статьѣ разсматривается возбужденный въ Англіи вопросъ: не выгоднѣ ли строить кавалерію въ одну шеренгу, вмѣсто двухъ, нынѣ употребляемыхъ? Опровергнувъ доводы, приводимые приверженцами построенія въ одну шеренгу, какъ, на примѣръ, что одна шеренга меньше терпитъ отъ непріятельскаго огня, что можетъ быть увеличенъ фронтъ, что всѣ построенія могутъ производиться съ большею точностію и скоростію, что представляется возможность составлять болѣе сильныя резервы, легче переходить изъ сомкнутаго строя въ рассыпной и обратно, авторъ доказываетъ необходимость сохранить построеніе кавалеріи въ двѣ шеренги, на томъ, между прочимъ, основаніи, что построеніе въ одну шеренгу заставило бы радикально измѣнить всю организацію кавалеріи, отношеніе офицерскихъ и унтеръ-офицерскихъ чиновъ къ рядовымъ, численность полковъ, а также систему ремонтірованія и выѣдки лошадей (?) Подобные доводы, по нашему мнѣнію, еще не представляютъ непреодолимыхъ затрудненій, если бы за построеніемъ кавалеріи въ одну шеренгу были признаны серьезныя преимущества сравнительно съ нынѣшнимъ кавалерійскимъ строемъ.

Въ статьѣ „О лагеряхъ“ излагаются извѣстныя и въ нашей арміи давно получившія практическое примѣненіе мысли о пользѣ и необходимости сбора, въ мирное время, значительныхъ частей войскъ всѣхъ родовъ оружія, какъ лучшаго средства для поддержанія дисциплины и порядка въ войскахъ и ознакомленія ихъ со своими обязанностями въ военное время. Для высшихъ же чиновъ лишь въ учебныхъ лагеряхъ представляется возможность приобрѣсти навыкъ командовать отрядами, состоящими изъ всѣхъ родовъ оружія.

Къ отдѣлу военной администраціи можно отнести статьи: „Объ учрежденіи и преобразованіи англійской милиціи“, „О нравственномъ и общественномъ благосостояніи солдата“, „Совѣтъ о распространеніи образованія между войсками, о школахъ арміи“, и „Какъ мы образуемъ нашихъ солдатъ“.

Въ первой статьѣ, послѣ разсмотрѣнія цѣли учрежденія милиціи, доказывается необходимость преобразованія ея въ видахъ большаго сближенія ея съ регулярными войсками. Вторая статья заключаетъ въ себѣ перечень преобразованій и мѣръ, принятыхъ въ англійской арміи въ послѣднее время, именно послѣ окончанія восточной войны, для улучшенія быта

солдатъ. Съ усовершенствованіемъ системы образованія солдатъ, съ примѣненіемъ правила, что ласкою не только можно исправить, но и расположить въ свою пользу, положеніе нижнихъ чиновъ въ Великобританіи, какъ во время службы, такъ и при увольненіи въ отставку, было хотя и медленно, но постоянно улучшаемо; воинская дисциплина сохранена; личность возвышена во мнѣніи товарищей, а безопасность національная поставлена въ зависимость отъ начала болѣе благороднаго, слѣдовательно и болѣе прочнаго. Кромѣ того, въ послѣдніе годы, были асигнуемы значительныя суммы на улучшение санитарныхъ учрежденій, что принесло, въ совокупности съ другими улучшениями быта солдатъ, свои плоды, выразившіеся въ уменьшеніи смертности между войсками. Напримѣръ: число смертныхъ случаевъ въ гвардейской пѣхотѣ уменьшилось съ 20 на 1,000 человѣкъ, какъ было съ 1837 по 1846 г., на девять, въ линейной пѣхотѣ съ 18 на 8, въ войскахъ же, расположенныхъ лагеремъ въ Шорнклифъ и Альдершотъ, до 5 на 1,000 человѣкъ, что самымъ нагляднымъ образомъ доказываетъ благотворное влияніе на состояніе здоровья войскъ расположеніе ихъ въ хорошо-устроенныхъ лагеряхъ.

Въ статьѣ „Совѣтъ относительно распространенія образованія между войсками, о школахъ въ арміи“, и проч., описывается неудовлетворительное состояніе полковыхъ школъ англійской арміи и значительная стоимость содержанія ихъ въ сравненіи съ школами французской арміи. Въ Англіи на первоначальное, не постоянно производимое обученіе 41,863 солдатъ и 15,881 солдатскихъ дѣтей расходуется ежегодно 29,541 фунтовъ стерлинговъ, или 15 шиллинговъ 6 пенсовъ на человѣка; во Франціи же удовлетворительное обученіе 200,000 солдатъ и 5,662 солдатскихъ дѣтей (*enfants de troupe*) обходится ежегодно лишь въ 71,000 франковъ, или три пенса на человѣка (*). Поэтому въ статьѣ предлагается принять въ образецъ устройство французскихъ школъ, которое подробно описывается. Но авторъ справедливо замѣчаетъ, что образованіе никогда не можетъ составить такой потребности для британскаго солдата, который рѣдко добивается и еще рѣже достигаетъ офицерскаго чина

(*) Фунтъ стерлинговъ=20 шиллингамъ=240 пенсами, въ обыкновенное время составляетъ 6 р. 40 к. сер.; франкъ=100 сантимамъ, составляетъ 25 к. сер. Въ настоящее время, конечно, курсъ иностранныхъ денегъ на наши гораздо выше.

личными заслугами и знаніемъ, между тѣмъ какъ во Франціи всякому вступающему въ ряды арміи открытъ путь достигнуть высшихъ степеней воинскаго званія настойчивостію, хорошимъ поведеніемъ и мужествомъ. Вотъ почему французскій солдатъ учится усердно: онъ знаетъ, что пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія поставятъ его въ возможность разумно исполнять обязанности высшихъ чиновъ, когда ему удастся таковыхъ достигнуть ихъ.

Въ статьѣ: „Какъ мы образуемъ нашихъ солдатъ“, доказывается необходимость развитія большей самостоятельности дѣйствія въ нижнихъ чинахъ, основательнаго знанія своего дѣла офицерами, которые какъ въ исполненіи разныхъ пріемовъ, такъ въ стрѣльбѣ, въ гимнастикѣ и въ фехтованіи должны служить примѣромъ для солдатъ. Болѣе же всего авторъ настаиваетъ на томъ, чтобы высшіе чины, призываемые для командованія отрядами, состоящими изъ всѣхъ родовъ оружія, знакомились съ особенностями каждаго изъ нихъ въ избѣжаніе непростибельныхъ промаховъ при отдаваніи приказаній, касающихся того рода оружія, въ которомъ они не служили и съ которымъ мало или вовсе незнакомы.

По части *фортификаціи* помѣщены статьи: „Фортификація и польза ея“ и „Железные дороги и оборона морскихъ береговъ“. Въ первой изложены популярно, примѣняясь къ понятіямъ британскихъ волонтеровъ, основныя начала полевой фортификаціи, съ практическимъ примѣненіемъ ея въ разныхъ случаяхъ, встрѣчающихся на войнѣ. Приводимые въ статьѣ примѣры заимствованы изъ войнъ на Пиренейскомъ полуостровѣ и изъ осады Севастополя. Вторая статья, въ которой приведены и нѣкоторыя стратегическія соображенія, разбираетъ вопросъ относительно силы обороны въ сравненіи съ атакою. Авторъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ, приходитъ къ слѣдующимъ главнымъ заключеніямъ. Во время артиллерійскаго боя—говоритъ онъ—перевѣсъ останется на сторонѣ того, кто будетъ въ состояніи сосредоточить противъ одного пункта огонь большаго числа и значительнѣйшаго калибра орудій. Въ этомъ отношеніи сухопутныя крѣпости имѣютъ, конечно, преимущество передъ броненосными судами. Но число орудій на крѣпостныхъ верхахъ зависитъ отъ числа и расположенія фортовъ, что всегда ограничивается извѣстнымъ пространствомъ, а потому необходимо недостатокъ орудій восполнить возможностью

перемѣщенія извѣстнаго числа ихъ съ мѣста на мѣсто посредствомъ пара и рельсовъ, т. е. посредствомъ особыхъ батарей изъ наръзныхъ и вообще большаго калибра орудій, передвижаемыхъ по желѣзной дорогѣ, въ особаго рода вагонахъ. Но это не исключаетъ необходимости возведенія укрѣпленій для прикрытія арсеналовъ, доковъ и другихъ общественныхъ учрежденій, а равно центральной крѣпости или форта, командующаго значительнымъ пространствомъ посредствомъ батарей, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ. Батареи эти, направляясь во всѣ стороны, равно примѣнимы для противодѣйствія бомбардировкѣ, и десанту самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Нѣтъ надобности выдвигать ихъ до рѣшительнаго момента, а потому ихъ нельзя заставить замолчать раньше орудій форта. Съ другой стороны, батареи эти могутъ дѣйствовать до послѣдней минуты и затѣмъ уѣхать такъ же удобно, какъ орудіе, дѣйствующее на отвозахъ. Точныхъ правилъ для постройки такихъ подвижныхъ батарей авторъ не предлагаетъ, но говоритъ вообще, что желѣзныя дороги, по которымъ онѣ будутъ передвижаемы, должны находиться въ связи съ общею системою рельсовъ вдоль берега; что сѣть рельсовъ, назначенная для обороны одного какого-либо важнаго пункта, должна имѣть связь съ сѣтью соосѣднихъ пунктовъ посредствомъ торговыхъ желѣзныхъ дорогъ или отдѣльныхъ вѣтвей; что, наконецъ, должно быть устроено побольше сообщеній съ центромъ каждаго района и внутренними областями страны. Впрочемъ, въ статьѣ встрѣчаются нѣкоторыя указанія касательно выгоднѣйшаго расположенія, начертанія и профиля батарей.

Изъ біографическихъ очерковъ и некрологовъ знаменитыхъ и замѣчательныхъ людей болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія: „Фридрихъ II и Наполеонъ“. Для проведенія паралели между Фридрихомъ и Наполеономъ, капитанъ Чесней рассматриваетъ дѣятельность ихъ въ трехъ главныхъ проявленіяхъ военнаго искусства, а именно въ области организаціи, стратегіи и тактики, руководствуясь главнымъ образомъ жизнеописаніемъ величайшаго прусскаго короля, составленнымъ Карлейлемъ. Въ способности устроить и образовать армію авторъ статьи отдаетъ преимущество Фридриху передъ Наполеономъ. Относительно тактическихъ способностей или умѣнья распорядиться на полѣ битвы онъ приводитъ мнѣніе Жюмини, что „Фридрихъ по крайней мѣрѣ равенъ Наполеону, если не

выше его". Но въ стратегическихъ соображеніяхъ, главнѣйшей способности полководца, Фридрихъ, по мнѣнію автора, никогда не можетъ сравниться съ Наполеономъ, „такъ какъ въ смѣлости, быстротѣ и геніальности стратегическихъ соображеній никто не можетъ быть поставленъ въ уровень съ побѣдителемъ при Ульмѣ и Іенѣ“.

По *военно-судной части* встрѣчаемъ свѣдѣнія о перемѣнахъ, происшедшихъ въ послѣднее время въ англійскомъ военно-уголовномъ судопроизводствѣ: возстановлена прежде существовавшая должность постоянного члена судьи-защитника и допущены въ засѣданія военныхъ судовъ присяжные стенографы. Кромѣ того, помѣщены описанія замѣчательныхъ процессовъ, имѣющихъ связь съ сухопутною арміею и флотомъ Великобританіи, а именно: „О бунтѣ въ Норѣ“, „О поджогѣ доковъ“, „О полковникѣ Диспардѣ“ (ирландецъ), казненномъ въ началѣ настоящаго столѣтія за сношенія съ врагами Великобританіи, и о другихъ преступленіяхъ. Описанія эти составлены спеціалистомъ, извѣстнымъ законовѣдомъ (sergeant at law) Петромъ Бэркомъ (Burke). По нашему мнѣнію, тщательное ознакомленіе съ веденіемъ судебныхъ процессовъ могло бы принести пользу будущимъ дѣятелямъ нашимъ на поприщѣ военнаго судопроизводства; но по размѣрамъ статьи мы не можемъ вдаваться въ подробности.

Статьи, относящіяся до морскаго дѣла, составляютъ небольшое шестой части числа всѣхъ статей, помѣщаемыхъ въ „British army and navy Review“. Есть между ними весьма интересныя, какъ, напримѣръ: „О морской политикѣ“, „О великобританскомъ комерческомъ флотѣ“, „Объ англійскихъ матросахъ“, „Объ образованіи ихъ“.